

СУПРУЖЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ У МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XVIII В.

Важнейшим компонентом традиционной культуры русского крестьянства являлась культура семейных отношений. На особенности семейного быта крестьян Урала и Зауралья обратили свое внимание еще ученые-путешественники XVIII в. П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.И. Лепехин и др. В своих путевых дневниках они приводят данные о хозяйственной деятельности семей, семейном досуге, положении женщины в семье и пр.¹ Эти данные существенно дополняют сведения о семейной культуре крестьян, которые содержатся в архивной документации. Определенную помощь исследователю, обратившемуся к изучению истории русской семьи Зауралья может оказать и богатый историко-этнографический материал, собранный в XIX в. Имеется, в частности, в виду информация, собранная офицерами генерального штаба. В ней нашли отражение различные стороны народной жизни, в том числе праздники, семейная обрядность, фольклор, верования². Один из этих офицеров — Х. Мозель, составивший описание Пермской губернии, характеризуя семейный быт крестьян, отметил, что они «строго держатся старины и не допускают никакого постороннего влияния»³, что дает основания ретроспективно использовать его данные при реконструкции крестьянской семейной культуры более раннего времени.

На патриархальность крестьянского семейного уклада указывал и шадринский краевед А.Н. Зырянов, который также собрал богатейший материал по истории Зауралья, культуре и быту местных крестьян, в том числе потомков монастырского крестьянства XVIII в. Значительная часть этого материала опубликована, часть хранится в архивных фондах, в том числе в личном фонде Зырянова в Государственном архиве Свердловской области⁴. Сбором историко-этнографического материала, отражающего семейный быт крестьян Зауралья, в XIX в. активно занимались и другие краеведы.

История крестьянской семьи Зауралья нашла отражение и в исследовательской литературе⁵. Однако в большей степени историков интересовал семейный быт государственных крестьян. Что касается монастырского крестьянства, то его повседневная жизнь, включая семейные традиции, до сих пор в трудах историков освещена слабо. В предлагаемой статье ставится задача в какой-то степени восполнить существующий пробел.

Известно, что монастыри в Южном Зауралье появились уже в XVII в. Первым был Далматовский монастырь, основание которого относится к 1644 г. Вслед за ним возникли Рафаиловский монастырь (1657 г.), Кодская (1662г.), Архангельская (1668 г.) заимки и митрополичье село Воскресенское. Монастыри расширяли свои земельные владения, привлекали на них «гулящих людей», беглых крестьян и посадских, предоставляя новым поселенцам льготы, «подмогу» деньгами, хлебом, скотом⁶. Данные переписей сообщают, что первоначально в монастырских вотчинах мужское население преобладало над женским, поскольку поток мигрантов состоял в основном из мужчин-одиночек. Так, в вотчине Далматовского монастыря в 1669 г. находилось 94 души мужского пола и 56 женского⁷. Однако уже к началу XVIII в. демографическая ситуация изменилась в лучшую сторону. Если раньше создание семьи для монастырского населения оказывалось связанным с немалыми сложностями (из-за диспропорции в соотношении мужчин и женщин), то в XVIII столетии крестьяне в монастырских вотчинах в основном были семейными людьми.

Важнейшей обязанностью мужа и жены было их совместное проживание. В 1744 г. Синод издал указ, чтобы местные священники контролировали исполнение супругами этой обязанности⁸. Жена ставилась церковью и государством в зависимость от мужа. Сохранившаяся документация Далматовского монастыря отразила многочисленные случаи бегства жен от своих мужей. Во время разбирательства выяснялось, что главной причиной этому обычно оказывалось жестокое обращение с женщиной ее супруга. Согласно традиции, муж имел право наказывать жену, правда без излишней жестокости, однако на практике мера наказания не контролировалась.

Примером может служить семья Береговых, чье дело рассматривалось в 1748 г. в Далматовском духовном правлении⁹. Поводом к разбирательству послужила жалоба крестьянина дер. Широковой Ивана Засухи на своего зятя Кузьму Береговых, поданная митрополиту Антонию. Челобитчик обвинял Кузьму в жестоком обращении со своей женой, дочерью Ивана Анной, которая пропала без вести после того, как Кузьма оставил ее одну в поле¹⁰. Береговых в свое оправдание заявил, что с полевых работ он уехал по необходимости: «...Приехал в деревню нашу пристав и наряжает всех крестьян на зделье в монастырь». Поутру, по словам Кузьмы, исполняя просьбу жены, он послал дочь к тестю с просьбой съездить за Анной в поле и привезти ее домой, однако не мог проверить, выполнила ли она его поручение¹¹.

Сама Анна позднее рассказывала, что, не дождавшись в тот вечер отца, она легла спать. Ночью ей послышалось, что в лесу что-то «свиснуло да и гаркнуло». Испугавшись, она бросилась в лес, где, заблудившись, бродила двое суток, пока не пришла к «угольной избушке», по которой сориентировалась, как идти к своей деревне. Однако, опасаясь гнева мужа за долгое отсутствие, Анна не вернулась домой, а нашла убежище у отца. Женщина жаловалась, что боится мужа, так как он бил ее «батожиной», «чем еще и впредь угрожал, от которого его битья и ныне на ней значатся очевидные знаки»¹². Слова Анны подтвердил осмотр — действительно она оказалась избита батогом. По решению архимандрита Сильвестра, Кузьма Береговых наказан не был, но с него взяли расписка в том, чтоб он «впредь напрасно жену свою не изгонял и батожинами безвременно не бил». Анне же сделали внушение быть послушной мужу и никуда от него не бегать и не придумывать причин для жалоб. В распоряжении архимандрита оговаривалось, что муж имеет право бить жену только плетью и розгами; за более же тяжкое избивание жена обязывалась обращаться с жалобой в монастырское правление¹³. Однако, как свидетельствуют источники, практика подачи монастырской администрации жалоб на жестокость мужей не получила у крестьян заметного распространения.

Третьему участнику разбирательства — Ивану Засухе было предписано впредь дочь у себя не укрывать¹⁴.

Другой характерный пример — случай с крестьянкой Прасковьей Семенковой. Прасковья пожаловалась архимандриту на драгунов, расквартированных в Ключевской деревне. Оказалось, что однажды, когда Прасковья с мужем была в гостях на «вечеринке», муж вдруг решил задолго до окончания «вечеринки» вернуться домой и оставил ее развлекаться одну. Этим воспользовался один из драгунов, со стороны которого она подверглась насилию. Позднее драгун неоднократно принимался ее преследовать, гоняя по всей деревне, предпринимая новые попытки изнасилования, но помощи и защиты от мужа женщина не дождалась. Спасение она вынуждена была искать в доме отца¹⁵.

Евдокия Русакова бежала от мужа к отцу, поскольку, по ее словам, не могла больше мириться с тем, что ее муж «живет со снохой своей Маврой блудно». Однако доказать «прелюбодейство» мужа ей не удалось. Монастырское начальство обвинило Евдокию в клевете, и ей принародно было учинено наказание плетью. Били плетью за укрывательство дочери и отца Евдокии¹⁶. Вообще монастырская ад-

министрация явно в подобных конфликтах держало сторону мужей. Она была заинтересована в том, чтобы крестьянские семьи не разрушались из-за бегства жен: опыт убеждал — одинокий мужчина оказывался плохим работником.

Семья Береговых еще раз появляется в монастырских документах за август 1748 г. В этом случае правды искал оскорбленный супруг: его жена Анна снова оставила его, бежала, а вскоре пропала и дочь. Иван Засуха, как утверждал брошенный муж и отец Кузьма, отказался даже разговаривать с зятем. В ходе поисков выяснилось, что Анна бежала с государственным крестьянином дер. Сухриной. Ко всему прочему, она, по словам Кузьмы, прихватила с собой из дома «шкарб разный». Выяснилось также, что дочь их Феодора вышла замуж за другого «сухринца». Береговых решил обратиться с просьбой о помощи в Шадринскую управительскую канцелярию. Но там ему лишь заявили: «Наши шадринцы мастера девок воровать и потом-де надобно также красть». Чем завершилась эта история, неизвестно, так как конец архивного дела не сохранился¹⁷.

Конечно, Кузьма Береговых был сам виноват, что жена бросила его, бежала с другим — она не хотела больше терпеть избиений. Однако были случаи, когда обвинения жен в жестоком обращении с ними мужей оказывались придуманными. Пример тому — история с крестьянкой той же Далматовской вотчины Еленой Пономаревой. Приревновав мужа к соседке, она подала на него жалобу — якобы муж немилосердно избил ее. Когда пришли посланные начальством люди (соседи), чтобы произвести ее осмотр, Елена встретила их, картинно расположившись на лавке в красном углу, под иконами, изображая полуобморочное состояние. Среди осматривавших Елену соседей оказались и женщины и мужчины. Женщины единодушно встали на ее сторону. Докладывая о результатах осмотра, они утверждали, что Елена действительно избита: «...И лицо у нее все распухло, и руки держит у сердца, и глаза защурила подобно как мертва»¹⁸. Симпатии мужчин откровенно были на стороне мужа Елены (которого она публично поносила, обвиняя в «прелюбодеянии»). Было заметно их желание поддержать версию мужа, утверждавшего, что не бил жену, а она специально «намазалась травой», чтобы выглядеть тяжелобольной¹⁹.

Среди монастырских крестьянок оказывалось немало таких, которых не устраивала доля забитой, униженной супруги и которые предпочитали сами верховодить в семье²⁰. Однако жена Якова Неверова Феврония к таким женщинам явно не принадлежала. Неверов в 1746

г. оказался под следствием по обвинению в конокрадстве. В процессе следствия открылась и его неблагоприятное поведение в семье. Оказалось, что Яков изменял жене со снохой, чего он, кстати, и не собирался отрицать, заявив: «Жена де его о том знала и на блуде заставляла»²¹. Неверов не пощадил и своих дочерей. Будучи в Челябинске под следствием, он велел жене прислать к нему 18-летнюю Степаниду и 13-летнюю Устинью. Одну он отдал на забаву поручику, другую откупщику, рассчитывая, что те поспособствуют его освобождению²².

Соблюдение супружеской верности считалось обязательным и по церковному и по гражданскому закону²³, и по нормам традиционной морали. Однако, судя по документации Далматовского монастыря, случаи «прелюбодеяния» в крестьянской среде были нередкими, причем чаще всего речь шла о «снохачестве». Например, крестьянская жена Ирина, жительница с. Николаевского, подала челобитную на свекра, который, по ее словам, бил ее, заставляя жить с ним «блудно». Однако монастырское правление признало обвинения Ирины ложными, после чего истица была наказана плетьюми²⁴. Уже упоминавшееся прошение Евдокии Русаковой, обвинявшей мужа в том, что он «живет блудно» со снохой, также было признано ложным²⁵. Находились, однако, среди свекров и такие, кто не отрицал вины. Примером может быть случай с Афанасием Земляных, обвиненного в изнасиловании собственной снохи. Он признал свою вину, сославшись в качестве оправдания лишь на то, что был в тот момент пьян²⁶.

О распространенности в Tobольской епархии незаконных сожительствах (на языке XVIII в. «блудного воровства») свидетельствуют слова епархиального митрополита, который должен был вынести приговор по одному из подобных дел — речь шла об одной солдатской дочери, «незаконно» прижившей ребенка. В итоге митрополит приказал отрезать «любодейке» косу и наказать «кошками», но оставить на жительстве в Tobольске. Вообще-то, признавался он, ее следовало бы, «в силу правил» отправить на определенный срок «в какой-либо девич монастырь», но за наполнением везде таких плутовок, что уж и места нет», мера такая неосуществима²⁷.

Согласно Кормчей книге, «любодейца или любодейцу» следовало отлучать от церкви на семь лет²⁸. Но и после отлучения человек не выпадал из лона церкви, считавшей, что важно не столько наказать, сколько исправить, заставить виновного почувствовать «тяжесть своего беззакония», чему должна была способствовать ссылка в монастырь. Под отлучением от церкви предусматривался запрет на причас-

тие, частая исповедь, исправительные работы, ужесточение поста (например, сухоядение по средам и пятницам), частое посещение церковных служб, поклоны. Сроки содержания в монастыре на практике могли быть различными, как правило, не самыми длительными (к примеру, на два года за «блудодаяние», на пять — за двоеженство²⁹).

В следственных делах содержится информация о случаях побега из монастыря, сожительства с монастырскими служителями и приезжими крестьянами. Так, колодницу Федору, попавшую во Введенский девичий монастырь за сожительство с пасынком, застали с крестьянином Кондинской заимки, находящимся при монастыре в срочных работах. Федора призналась, что на такое «скверное блудное грехопадение» она согласилась после его обещания увезти ее из монастыря и жениться на ней. Федора признала свою вину, однако во время следствия обвиняемые убежали из-под караула³⁰.

Соборное Уложение не содержит статей о прелюбодеянии, предусматривается лишь наказание за сопутствующие ему преступления: сводничество, виновный в котором подвергался наказанию кнутом, убийство супруга, убийство незаконно прижитых младенцев, что каралось смертью³¹. Однако на практике в подобных случаях наказание оказывалось не таким суровым. В 1733 г. Агафья Лобановых родом из Пелыма была выдана замуж, однако через две недели утопила своего 10-летнего мужа в проруби. За подобное преступление, по Соборному Уложению, виновную полагалось заживо закопать в землю, однако Агафья была сослана в Успенский Далматовский монастырь, очевидно, «в неисходные труды», из которого через 9 лет сбежала с казаком. Челябинский священник, к которому они обратились с просьбой о венчании, выдал их провинциальным властям. Агафью вернули в монастырь, подвергли наказанию плетью³². Относительно мягким можно назвать приговор, вынесенный Варваре Тимофеевой из Ялutorовского дистрикта. Варвара, будучи вдовой, обвинялась в «незаконном сожительстве» с драгуном, от которого она родила ребенка, по ее словам, мертвого и бросила его в огонь. Тобольская консистория определила после наказания ее кнутом сослать в Далматовский монастырь на семь лет³³.

Дела об убийствах новорожденных детей, двоеженстве рассматривались в Тобольской духовной консистории. Менее значимые дела расследовались в заказных правлениях, на местах, с последующим отчетом перед консисторией. Самыми многочисленными были дела о незаконных любовных связях. Интересно, что дел, в которых фигурируют замужние женщины, сохранилось относительно немного.

Объясняется это, очевидно, тем, что такие дела обычно не выносились на публичное рассмотрение, а решались в семье. Х. Мозель, собирая материалы по Пермской губернии в 60-х гг. XIX в., отмечал, что «супружеская верность часто нарушается. Мужу это легко сходит с рук, а жены, по большей части, платятся косой или спиной. Обманутый муж с женой расправляется собственноручно»³⁴. А. Н. Зырянов также отмечал, что крестьянские жены «послушны, но не целомудренны»³⁵.

До приказного правления, как правило, доходили дела о «незаконном сожителстве» незамужних девиц, вдов, солдаток. Известной связь становилась после объявления ее священником (в случае рождения ребенка) или по доносу «доброжелателей». Как правило, крестьяне не скрывали, если им становилось известно о «незаконной» связи, отчасти, боясь наказания за укрывательство, отчасти же желая соблюсти «порядок». Доносили и в отместку: уже упоминавшийся крестьянин Далматовской вотчины Яков Неверов, например, проходящий по делу о конокрадстве, назвал своим сообщником Дементия Коновалова, который в отместку и объявил, что Неверов «жил блудно» со своей снохой³⁶.

Наказание за «прелюбодеяние», если это не было изнасилованием, оказывалось одинаковым для обоих виновных — наказание плетьюми или лозами. За изнасилование или попытку изнасилования виновный также подвергался наказанию плетьюми. Однако, женщине было сложнее доказать свою невиновность, и если обвиняемый отрицал свою вину, при отсутствии свидетелей дело, решалось не в ее пользу. В результате пострадавшая оказывалась же и виноватой и получала свое наказание и от монастырских властей, и зачастую от мужа. Об этом говорит пример Маремьяны Киселевой — крестьянской жены из Ключевской деревни Далматовской вотчины. Маремьяна подверглась насилию в бане со стороны своего соседа. Муж Маремьяны застал их и позже в присутствии других крестьян стегал ее плетью, допрашивая: «Давно ль с ним живешь блудно?». Маремьяна свидетельствовала, что ее обидчик, Савватий Ножин, уже обращался к ней с подобными предложениями, на что она отвечала: «Есть у меня свой муж, не хуже тебя». Маремьяна обратилась к митрополиту с просьбой «учинить решение» по этому делу. Однако Савватий Ножин вину свою не признал, заявив, что «блудно с ней по любви, а не насильно пребыл, да и прежде того он...блудно с ней жил»³⁷. После разбирательства в Далматовском духовном правлении и Маремьяна и Савватий были признаны виновными и приговорены к наказанию плетьюми «другим на страх»³⁸.

Следует отметить, что в Далматовской вотчине происходило вопиющих происшествий, например, убийства супругов, детей, а случаи прелюбодеяния наказывались если и не сурово, то неотвратно. Все это позволяет сделать вывод о том, что монастырское правление строже следило за целомудрием и моральным обликом своей паствы, используя как увещевание, так и наказание, что, очевидно, было более действенным средством, поскольку случаев повторного наказания однажды наказанных в документах не встречается. Семья как социальный институт была достаточно прочна в Зауралье. В Далматовской вотчине не зафиксировано примеров развода супругов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч.3; Записки путешествия академика Фалька. Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1824.

2. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, составленные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2.

3. Там же. С. 533.

4. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

5. См.: Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII– начале XX в. Новосибирск, 1975. С. 71–109; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII = первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979; Она же. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. М., 1991.

6. Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 23.

7. Кондрашенков А.А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. С. 72.

8. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Право и обычай в крестьянской семье: Урал и Сибирь в XVIII – XIX вв. Челябинск, 1998. С. 134.

9. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 351. Л. 35 – 38.

10. Там же. Л. 35.

11. Там же. Л. 35 об.

12. Там же. Л. 36 – 36 об.

13. Там же. Л. 37 об.

14. Там же. Л. 38.

15. Там же. Д. 224. Л. 2–4.

16. Там же. Д. 260. Л. 34.

17. Там же. Д. 351. Л. 48–52.

18. Там же. Л. 57.

19. Там же.

20. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Указ. соч. С. 142.